

Елена Клименко. Мои первые книжки

В моих воспоминаниях о деревенском детстве преобладают зеленые краски. И самая первая моя книжка была малахитово-изумрудная. Эта стихотворная морализаторская история [Леонид Дьяконов. Жила-была царевна (сербская сказка)] вещала о ленивой царевне-королевне, которую «перековал» простой крестьянин, добрый молодец. Научившись читать в четыре года, я быстро выучила текст и шпарила наизусть рыжей соседке-подружке Наташке. Наташка была старше меня на год, но читать не умела. А в моих руках только мелькали страницы, разрисованные чудесными оттенками зелени. Эти рисунки и сейчас стоят у меня перед глазами.

Была еще одна детская книжка – прозаическая новогодняя история, содержание которой забылось. Запомнились только картинки: красочный конфетопад и огромные круглые глаза главного героя, на которого обрушилось такое счастье. На фоне елки. Разумеется, зеленой-презеленой.

Наша с сестрой мама работала учительницей начальных классов и постоянно рисовала наглядные пособия (уточек, например), поэтому в ходу в нашей семье были книжки из серии «Сделай сам» или «Поделки из природных материалов». Их можно было разглядывать бесконечно. Ну и мастерить что-то тоже. Кроме книжек выписывали и читали-смотрели журналы «Веселые картинки» и «Мурзилка». Оттуда в мой обиход перекочевало стихотворение «Ты, старик, поймай мне щуку. Я ее поджарю с луком»...

Опять же благодаря маме и стихам, выученным в детстве, мы с сестрой до сих пор любим в быту цитировать детские стишки. Например, Агнию Барто, эти маленькие трагедии из жизни игрушечных мишки, зайки и бычка. «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу, все равно его не брошу, потому что он – хороший», «Зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка. Со скамейки слезть не мог, весь до ниточки промок». Это – навсегда. Это культурный код нашего поколения. Воспитание чувств происходило на примере и других стихов Агнии Львовны. Например, «Мне теперь не до игрушек – /Я учусь по букварю, /Соберу свои игрушки /И Сереже подарю. /Деревянную посуду /Я пока дарить не буду. /Заяц нужен мне самой – /Ничего, что он хромой... /Мне теперь не до игрушек – /Я учусь по букварю... /Но я, кажется, Сереже /Ничего не подарю» и т.д.

Стихотворение Агнии Барто «Дело было в январе. Стояла елка на горе. А возле этой елки бродили злые волки...» не так давно мы с коллегами инсценировали в Институте развития образования.

Хорошо помнится Елена Благинина: «Мама спит, она устала. Ну и я играть не стала. Я волчка не завожу, а уселась и сижу. Не шумят мои игрушки. Тихо в комнате пустой. А по маминой подушке луч крадется золотой. И сказала я лучу: я тоже двигаться хочу, но мама спит и я молчу...»

Не забыть «Серую шейку» Дмитрия Мамина-Сибиряка. От нахлынувших слез я никак не могла дочитать эту историю. И не знала, что она закончилась благополучно. По этой истории был снят советский рисованный мультипликационный фильм (1948 г.).

Мой любимый сказ Павла Бажова «Серебряное копытце» из сборника «Малахитовая шкатулка» (старик Кокованя, девочка Даренка, кошка Муренка).

В издательстве «Малыш» СоюзмультФильм выпускал серию книжечек по мультикам («Чьи в лесу шишки» и др.). Мне очень нравилась одна из них: «Три дровосека».

Мультфильм «Три дровосека» был снят по сказке Афанасьева «Пузырь, соломинка и лапоть» в 1959 году. Это сказка о взаимовыручке. «Жили-были три товарища: Пузырь, Соломинка и Лапоть. И приключилась с ними необычная история, когда пошли они за дровами в лес...» В конце концов, дрова друзья добыли, растопили печь и приготовили пшеничную кашу. И эта ярко-желтая солнечная пшеничная каша для меня навсегда связана с этой историей, символ детства.

Были еще диафильмы, которые мы проецировали диакопом на печную стенку и смотрели. Сказку про Красную Шапочку, например. «Красная Шапочка» была с нами постоянно и в виде настенного коврика. Дремучий лес занимал большую часть коврика, на переднем плане стоял огромный волк и смотрел в упор на бедную Красную Шапочку. До крепкого бабушкиного дома было рукой подать. И перед сном я любила помечтать, глядя на коврик, чтобы Красная Шапочка успела спрятаться в домике.

Из «Денискиных рассказов» Виктора Драгунского особенно актуальным для меня был рассказ «Двадцать лет под кроватью». Под нашей высокой железной кроватью можно было точно прожить достаточно долго. А для начала спрятаться от мамы, если она решила наказать меня за какую-то провинность.

В нашей небольшой домашней библиотеке был синий двухтомник Маршака. Из него мне полюбились и запомнились переводы с английского («Вересковый мед». «Баллада о королевском бутерброде») и собственные сочинения Самуила Яковлевича («Кошкин дом», «Сказка о глупом мышонке», «Багаж», «Жил человек рассеянный на улице Бассейной» и др.).

Позднее прочла и любила истории о муми-троллях, Карлсоне, Винни-Пухе и всех-всех-всех.